

Сотков Виктор Александрович

СПЕЦИФИКА ОБРАЗА ГЕРОЯ-ПРАВЕДНИКА В ТВОРЧЕСТВЕ И. С. ШМЕЛЕВА (НА МАТЕРИАЛЕ ДИЛОГИИ "ЛЕТО ГОСПОДНЕ" И "БОГОМОЛЬЕ")

В статье рассматривается специфика создания образа героя-праведника в творчестве И. С. Шмелева. В центре исследовательского внимания один из героев дилогии "Лето Господне" и "Богомолье" Горкин. В процессе анализа доказывается, что образ Горкина относится к житийно-идиллическому типу праведника. Автор статьи акцентирует внимание на особой роли героя, с одной стороны воплощающего нравственный идеал писателя, а с другой, - символизирующего православное мировоззрение русского народа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/8-1/15.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 8(62): в 2-х ч. Ч. 1. С. 57-61. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Автор также постоянно указывает на дистанцию между современностью и описываемой эпохой, употребляя такие обороты, как «Хотя политика в те времена была лишь ребёнком, не умеющим читать и писать, правда и то, что она была ровесницей самих государств» [4, с. 131], «В те времена путешествовать, будучи инкогнито <...> было несравнимо легче» [Ibidem, с. 134] и т.д. Для того, чтобы указать на правдивость событий, описанных в романе, автор приводит цитату из работы Герхарда Шёнинга о битве конунгов Хьёрлейва и Рейдара. М. Хансен стремится создать в своем тексте романтический мир древности, наполненный фантастикой, сочетая его с картинами повседневности, что и составляет единую ткань произведения. Обращаясь к народной традиции, в которой романтики видели свои эстетические образцы, источник и основу литературы, писатель стремится сохранить национальный характер норвежской литературы.

Таким образом, М. Хансен привносит в свое произведение исторический колорит и создает иллюзию правдивого описания ушедшей эпохи, воспеваает героев и воителей, о чьих деяниях повествуют древние памятники. Для того, чтобы указать на связь своего романа с древнеисландским источником, он вводит в заглавие произведения слово «сага», следуя традиции А. Г. Эленшлегера, добавляет ряд реалистических деталей и отчасти имитирует стиль саг. Новаторство и оригинальность писателя проявляется в том, что он определяет новые эстетические ориентиры для развивающейся норвежской литературы [5, с. 24]. Хансену удалось также перенести на норвежскую почву романтические идеи, подчеркнуть национальный характер норвежской литературы и фактически заложить основу норвежского исторического романа. А профессор Бьёрн Тюдсаль в своей книге «Искусство рассказчика Маурица Хансена» (1988) подчеркивает значение творчества писателя для становления норвежской литературы, называя его «строителем мостов», благодаря которому «норвежская литература смогла после 1814 года воспринять богатые традиции европейской литературы» [6, с. 198].

Список литературы

1. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. СПб.: Азбука – классика, 2001. 512 с.
2. Коровин А. В. Датская и исландская малая проза. М.: ТЕИС, 2011. 367 с.
3. Dahl Willy. Norges litteratur: Tid og tekst 1814-1884. Oslo: H. ASCHENOUG & CO, 1981. 340 s.
4. Mauritz Hansens. Noveller og Fortællinger: be. I-VIII / utg. ved C. N. Schwach, Kristiania, 1855-1858. B.VI. S. 79-203.
5. Øyslebo Olaf. Maurits Hansen som forteller. Oslo: H. ASCHENOUG & CO, 2001. 237 s.
6. Tysdahl Bjørn. Maurits Hansens fortellerkunst. Oslo: H. ASCHENOUG & CO, 1988. 199 s.

M. HANSEN'S NOVEL "SAGA OF HILDA" IN THE CONTEXT OF ROMANTICISM TRADITIONS IN THE XIX CENTURY

Peshkova Viktoriya Vyacheslavovna

*Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
stellavictory2106@gmail.com*

The article analyzes the novel by the Norwegian writer M. Hansen "Saga of Hilda". The paper reveals the significance of this work for the development of fiction in Norway in the XIX century and states that in "Saga of Hilda" the writer lays the foundation of the Norwegian historical novel, a tradition of which would later be followed and developed in the historical literary works by Sigrid Undset.

Key words and phrases: the Norwegian prose; M. Hansen; historical novel; Romanticism; saga.

УДК 82-312.2“19”

В статье рассматривается специфика создания образа героя-праведника в творчестве И. С. Шмелева. В центре исследовательского внимания один из героев дилогии «Лето Господне» и «Богомолье» Горкин. В процессе анализа доказывается, что образ Горкина относится к житийно-идиллическому типу праведника. Автор статьи акцентирует внимание на особой роли героя, с одной стороны воплощающего нравственный идеал писателя, а с другой, – символизирующего православное мировоззрение русского народа.

Ключевые слова и фразы: дилогия; герой-праведник; христианская традиция; православное мировоззрение; святость; образная система; автобиографичность.

Сотков Виктор Александрович

*Национальный исследовательский мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
sotkov_va@mail.ru*

СПЕЦИФИКА ОБРАЗА ГЕРОЯ-ПРАВЕДНИКА В ТВОРЧЕСТВЕ И. С. ШМЕЛЕВА (НА МАТЕРИАЛЕ ДИЛОГИИ «ЛЕТО ГОСПОДНЕ» И «БОГОМОЛЬЕ»)

В современном отечественном литературоведении со всей очевидностью заметен интерес к религиозно-философской проблематике, что подтверждается и появлением популярного в филологической науке термина «религиозное литературоведение». В центре исследовательского внимания все чаще оказываются вопросы, связанные с нравственными аспектами творчества русских писателей, с выявлением своеобразия

художественного диалога русской литературы с христианской православной традицией. Научное осмысление обозначенных проблем позволяет углубить представление о национальной картине мира, где структурообразующим началом выступает религиозное сознание. В представленной парадигме проблем не менее значимой становится и проблема праведничества. Русские писатели XIX века, от поэтов-романтиков до Л. Н. Толстого, представили многообразие трактовок данной проблемы и свое видение образа героя-праведника.

Изучая основные характерологические параметры типа праведника, исследователи, прежде всего, стараются отграничить его от положительности изображаемого человеческого характера, в противном случае, считают ученые, границы данного типа значительно расширяются. Так, например, А. А. Горелов слово «праведник» связывает с фактическим обретением литературными героями «правды», понимаемой как истина жизни не только ими самими, но и писателем [1, с. 234]. Как доминантную черту героя-праведника исследователи выделяют и «святость». При этом данное понятие трактуется ими в несколько расширительном значении: не только как сфера божественного, но и восприятие земного пути человека и ведение благочестивого образа жизни, следование религиозным предписаниям (см.: [5]).

Среди многообразия существующих исследовательских трактовок термина «праведничество» необходимо выделить и точку зрения В. Е. Хализева на данное явление, согласно которой в художественной литературе XIX века складываются две основные формы праведничества: собственно религиозная, приближающаяся к святости, и бытовая, «житийно-идиллическая» [7, с. 115]. Теоретик литературы достаточно подробно рассматривает генезис последнего сверттипа (от древнегреческого мифа о Филемоне и Бивкиде до творчества писателей XX столетия). Такие персонажи, как отмечает исследователь, живут безыскусственно, без метаний и напряженных поисков, однако благодаря нравственной интуиции и жертвенности их жизнь сближается с праведничеством и иногда в него перерастает [Там же].

Подобный тип героя, на наш взгляд, занимает важное место в художественной картине мира И. С. Шмелева и прежде всего в повестях «Богомолье» и «Лето Господне». Писатель публикует их в эмиграции. Они были построены по его воспоминаниям о детстве, проведенном в Москве, об отце, плотнике Горкине и других близких ему когда-то людях. Следует отметить особую позицию нарратора в данных произведениях. Повествование ведется от лица ребенка, поэтому действительность представлена через детскую рефлексию. Данная повествовательная манера находит свое яркое воплощение в творчестве Л. Н. Толстого («Детство». «Отрочество». «Юность»). Отталкиваясь от предшествующей литературной традиции, И. С. Шмелев создает мир прочувствованный и прожитый ребенком. Однако за детским взглядом обнаруживается не непосредственность и упрощенность восприятия мира, а сложная психологическая панорама национальной русской жизни.

Работа над данными произведениями сопровождалась глубокими авторскими размышлениями над целым рядом онтологических проблем. Заметим, что именно в дилогии И. С. Шмелева впервые так широко и многоаспектно репрезентируется душевно-духовная жизнь православного христианина. В психологических переживаниях, эмоциях, глубоких внутренних размышлениях представлены как герои-грешники, так и праведники.

Полная первая часть этой повести – «Праздники» – была опубликована в 1933 году. К. Мочульский в те дни писал: «На первый взгляд – не верится, чтобы так еще недавно в Москве мог существовать столь обрядовый, чинный и строгий церковный быт» [4, с. 308]. И далее: «Автор помнит вещи, события и лица не приближительно, сквозь поэтическую дымку прошлого, а во всей их живой реальности. Память ясновидца. Не реконструкция прошлого (с неизбежными искривлениями перспективы), а вторичное переживание в полноте и цельности» [Там же].

После выхода первой части «Лета Господня» И. С. Шмелев получил письмо из Русского дома в Сен-Женевье-де-Буа. Один из обитателей несколько вечеров кряду читал вслух главы из книги, еще собранные в газетных вырезках. И. С. Шмелев писал по этому поводу: «Свыше полсотни подписей-имен – графы, князя, бароны, генералы, шталмейстеры и егермейстеры даже... Слезы мне прислали, и я заплакал. Плакала природа, муть в небе, муть была в душе... Троицын-то день! И вот блеснуло... родной привет» [9, с. 17].

Успех «Лета Господня» повторило другое произведение – «Богомолье». Оно вызвало восторженные отклики всей эмиграции. Положительно отзывались о ней И. А. Ильин, К. Бальмонт, Вас. И. Немирович-Данченко, митрополит Антоний (Храповицкий), И. А. Бунин, З. Н. Гиппиус и др. Примечательно высказывание И. А. Ильина, отметившего, что И. С. Шмелев создал «художественное произведение национального и метафизического значения», запечатлевшее «источники нашей национальной духовной силы» [2, с. 383-384].

В этой повести выразилась родовая культура писателя, что-то вечное, родное, возвращавшее людей в состояние утраченного счастья. И во многом это было связано не только с образами России и Православия, которые были созданы на страницах этой повести, но и с образом детства, его чистотой и наивной искренностью и любовью ко всему, что его окружает.

Как известно, идейно и тематически повесть «Богомолье» связана с «Летом Господним». В них была явлена не только вся глубина христианской традиции в России и в русской литературе, но также нашло выражение духовное наследие староверов, жизнь русского народа, переданные через ощущения ребенка, познающего всю красоту и одновременно сложность мира.

Героями произведений выступают Ваня, Горкин, отец Сергей Иванович, приказчик Василь Василич и другие. Главной чертой дилогии, как мы уже отметили, является восприятие событий глазами ребенка. Это выражается прежде всего в представлении маленького Вани о мире и о людях. Он уверен, что все люди хорошие и милые: и сторожиха-банщица Анна Ивановна в белом платочке и светлом ситце, тихая и добрая нянюшка Домнушка, старенький и сухой Горкин, похожий на святого, красавец-отец, пахнувший флердоранжем, Булочник Федя, желающий принять монашеский постриг.

Иван воспитывается в крайне религиозной достаточно обеспеченной купеческой семье, где царит любовь и доброжелательное отношение домочадцев друг к другу. Все действуют в едином порыве, все преследуют

единые цели: вместе готовятся к святым праздникам, вместе идут на богомолье, к Преподобному, трудятся. Труд для Ванечки – не просто послушание, а радость. Он с удовольствием смотрит, как солят огурцы, помогает собирать антоновку. Он живет по уставу, заведенному хранителем дома, отцом. Наличие устава – главное обстоятельство, объединяющее быт семьи маленького Вани и жизнь в монастырской обители.

Наибольшее влияние на Ваню, а следовательно, особое место в структуре обеих повестей занимает Горкин. Исследователи совершенно справедливо отмечают, что образ Горкина «можно смело поставить в ряд со знаменитыми героями русской классики» [3, с. 410]. Он отличный плотник, мастер резьбы по дереву, долгие годы трудится в артели Сергея Ивановича, отца маленького Вани. Отметим, что образ Горкина, как и большинства персонажей дилогии, максимально приближен к прототипу, вплоть до сохранения имени. Во многом отчасти именно историческая реальность делает этого героя рельефным, достоверным, убедительным.

Образ Сергея Ивановича также автобиографичен, в нем автор раскрыл черты характера собственного отца, человека набожного, богатого и очень известного. Алексей Михайлович Ремизов в «Центурионе» так говорил об отце Ивана Шмелева: «Отец Шмелева заделался тузом на Москве за свои масленичные горы – понастроены были фараоновы пирамиды на Зоологическом и на Воробьевых» [6, с. 8], – более 300 плотников трудились у него в артели. Отметим, что Горкин был не просто плотником, он был членом купеческой семьи, к нему прислушивались, его ценили. Примечательна в этом плане история покупки отцом Вани новой рощи в «семь тыщ деревьев...» [11, с. 67]. Иван Сергеевич нагоняет Горкина, ушедшего на Богомолье, с одной единственной целью, не обмануться: «Ах, Горка... как мне брат, глаз твой нужен! <...> Как бы не обмишулиться!» [Там же, с. 70].

Горкин стар, ему более не поручают тяжелую работу, на него возложены другие обязанности: следить за рабочими в доме Сергея Ивановича, выполнять его поручения, касающиеся домашних хлопот (привезти лед в погреб, распорядиться об уборке снега после зимы, забрать деньги у рабочих, следить за трезвостью плотников). Горкину доверяют самое дорогое, что есть в семье, воспитание маленького Вани, ребенка доброго и любознательного.

Отношения маленького Вани и Горкина напоминают отношения старца и послушника, за единственным исключением, ребенок не несет трудовых повинностей, а лишь прислушивается к советам и наставлениям своего старшего товарища. Когда Горкин молится о прощении грехов, то Ваня думает: «Но какие же у него грехи? Он ведь совсем святой – старенький и сухой, как и все святые. И еще плотник, а из плотников много самых больших святых: и Сергей Преподобный был плотником, и святой Иосиф» [Там же, с. 185]. Любовь и привязанность мальчика к своему воспитателю глубока и искренна. Горкин в дилогии предстает как своеобразный идеолог бытового православия: он знает обряды, строго следует им. Его поведение одухотворяет жизнь, придает ей глубокий смысл. Подчеркнем, что через этот образ представлена ценностная ориентация писателя, заключающаяся в утверждении религиозно-православных начал бытия. Особенно это проявляется в первой части дилогии «Лето Господне», где именно на Горкина и возлагается главная задача объяснить смысл обрядов, проводимых по большим церковным праздникам. Так, в главе «Яблочный Спас» маленький Ваня ничего не знает про это событие в православном календаре, только то, что в этот день «святят яблоки». Горкин не ругает мальчика, он подробно и охотно рассказывает ему про Медовый, Яблочный и Ореховый Спас. Отдельно останавливается на истории про Адама и Еву, рассказывает про Змея-искусителя. Горкин является своеобразным проводником для маленького Вани, первым знакомит ребенка со словом Божиим. Горкин приставлен к Ване не только для того, чтобы оберегать его от каких-то внешних враждебных проявлений, он обязан взрастить Ваню как истинного христианина. Для этого он и соглашается взять мальчика с собой на богомолье.

Горкин дает Ване такие простые, но очень важные объяснения всего того, с чем ребенок встречается в жизни, например, когда празднуется большой православный праздник Покров Пресвятой Богородицы: «Потому, милоч, и не страшно нам ничего, под таким-то Покровом. Нам с тобой не будет ничего страшного: работай, знай – и живи, не бойся, заступа у нас великая» [Там же, с. 339]. Подобное объяснение рождает в душе маленького Вани ощущение защищенности, укрепляет его веру в Бога. И. А. Ильин писал об этом герое: «Этот опыт жизни и труда, это видение природы и Бога, этот аромат настроений и молитв Шмелев олицетворяет в образе плотника, Михаила Панкратыча Горкина, мудрого простеца, бережно хранящего эту традицию и любовно передававшего ее самому автору» [2, с. 384].

Действительно, И. С. Шмелев придает образу Горкина широту мировидения и мирочувствования, дает возможность видеть за «бытовизмом» этого образа – простого плотника – человека насыщенной духовной жизни, дарующего мальчику, доверенному ему в присмотр, простую и такую великую житейскую мудрость. Вот один из ярких эпизодов, когда он говорит Ване, давая ему истинные уроки нравственного поведения и уважения к человеку, как подобию Божию:

« – А вот зачем ты на Гришу намедни заплевался? <...> И у него тоже Ангел есть, Григорий Богослов, а ты... За каждым Ангел стоит, как можно... на него плюнул – на Ангела плюнул!

На Ангела?! Я это знал, забыл. Я смотрю на образ Архистратига Михаила: весь в серебре, а за ним крылатые воины и копьё. Это все Ангелы, и за каждым стоят они, и за Гришкой тоже, которого все называют охальником.

– И за Гришкой?..

– А как же, и он образ-подобие, а ты плюешься. А ты вот как: осерчал на кого – сейчас и погляди на него, позадь, и вспомнишь: стоит за ним! И обойдешься. Хошь царь, хошь вот я, плотник... однако, при каждом Ангел. <...> За тобой Иван Богослов стоит... вот, думает, какого плевалыщика Господь мне препоручил! – нечто ему приятно? Чего оглядываешься... боишься?» [10, с. 196].

В результате мальчик идет просить прощения у Гришки, потому что Горкин не говорил ему о наказании: он обращает взор ребенка на себя и не о страхе наказания ведет речь, а о совести и о любви к ближнему. Здесь важна еще одна мысль: каждый человек – образ Божий. Заметим, что в трактовке данной мысли И. С. Шмелев

во многом идет за Ф. М. Достоевским. Как и писатель-предшественник, он также видит даже в самом падшем человеке образ Божий. Эту мысль пытается донести до Вани и Горкин. Он внушает ему уважение к человеку, как к творению и подобию Божию. Следует подчеркнуть, что в произведениях «Лето Господне» и «Богомолье» наиболее ярко проявилось авторское «Я», я маленького Ванечки Шмелева.

Горкин оказывает огромное влияние на внутренний мир ребенка, на его представления о нравственных ценностях человека. Он помогает ему в трудные минуты, когда ребенок сталкивается с трагическими моментами жизни – болезнью и смертью отца.

Ваня боготворит отца: он везде – в его мыслях, в его чувствах, в его снах и мечтаниях. Взаимная любовь отца и сына буквально переполняет страницы повестей. Болезнь молодого здорового и сильного отца начинается внезапно и вызвана она падением с лошади. Для Вани наступают тяжелые дни: «Чуть чем займусь – клею змей в сенах, или острюгиваю для лука стрелку, или смотрю, как играют в бабки бараночки со скорняками, – вдруг вспомню – отец болен! Там он, в зале, сидит в халате и потирает глаза и лоб, чтобы от “мушек” не рябило... или пьет клюквенный морс, чтобы унять тошноту» [11, с. 467].

Несмотря на молитвы юного Вани, приложение к мошам и исцеляющим иконам, отцу не удается оправиться после серьезного падения с лошади. Горкин заранее предвидит возможный печальный исход, поэтому дает поучение юному герою: «И коли не воздвигнет Целитель твоего папеньку от тяжкого недуга, не помысли зла, а прими, как волю Божию» [9, с. 404].

Горкин идеальный воспитатель, он чувствует, переживает за Ваню, знает, что печалит мальчика, или от чего он получает невообразимое удовольствие. Ваня очень любит лошадок, игрушки, вкусные лепешки, любит общаться, узнавать много нового. Горкин относится к Ване как к родному внуку. В «Богомолье» старик Горкин уговаривает Сергея Ивановича взять с собой расстроенного отказом мальчика. Он бережет сон Вани, нежно накрывает его одеялом, оберегая от укусов клопов, заботится о том, чтобы ребенок тоже выпил целительного масла, ведет Ваню к старцу Варнаве.

Но не всегда Горкин тих и спокоен, он не терпит несправедливости, он вспыльчив, но быстро отходчив. Несколько ситуаций, произошедших с героем в произведении «Богомолье», позволяют сделать вывод о решительности и настойчивости Горкина. Особенно ярко характер старика проявился в первой части повести, где Сергей Иванович не придает особого значения желанию плотника отправиться на Богомолье, после чего спокойный и уравновешенный Горкин меняется, кричит на столяров и маленького Ваню. «Не-эт, меня не удержите... к Серги-троице я уйду, к Преподобному... уйду. Все я да я... <...> Не-эт, не удержите... всех брат, делов не переделаешь...» [11, с. 49]. Он строг и относительно религиозных вопросов. Размещение пьяниц в трактире с Богомольцами рождает в Горкине сильнейшее возмущение. Необходимо отметить, что Горкин является блюстителем чести молодого парня Феде, сына булочника, желающего уйти в монахи. Домна Парфеновна своими шутками о возможных любовных отношениях между Федей и замужней девушкой-богомольницей заставляет вступить за парня Горкина. «Горкин тут рассердился, что не по этому месту такие разговоры неподобные, и скажи:

– Это ты в свахах в Москве ходила – набралась слов, нехорошо» [Там же, с. 115].

Горкин воплощает в себе некий образ праведника, которого маленький Ваня причислил к лику святых. На наш взгляд, образ Горкина относится к житийно-идиллической форме праведничества, это человек жертвенный, ищущий Бога в себе и помогающий найти Бога другим.

В своей статье «Праведники», изданной в 1937 году в Париже в журнале «Возрождение», И. С. Шмелев писал о «религиозных праведниках» зарубежья, о подвижниках, которые «возгорелись высоким рвением, крепкой верой, что жизнь может обновиться только Христовым Словом, через Церковь» [8, с. 310]. История строительства обители «Братство пр. Иова Почаевского» на Карпатской Руси похожа на обстоятельства построения монастыря Сергием и Германом, героями «Старого Валаама», обе эти обители были возведены на пустынном поле. И. С. Шмелев говорит в своей статье именно о подвижниках, тех, кто, приняв монашеский постриг, своим примером служения Господу, своими добрыми деяниями дают пример другим людям, доносят Божье слово в самые дальние уголки Земли.

Горкин не монах, но он почти святой, о чем постоянно говорит Ваня, эту же мысль вносит в свои уста, пусть шуткой, дьякон: «А-а, подстароста святой... прежде отца дьякона в рай хочешь?» [11, с. 117], – отец Варнава называет Горкина «голубь сизокрылый», что говорит о чистой душе плотника, которую разглядял старец.

Рассуждая о святости, Горкин поясняет маленькому Ване, в чем смысл святости. Старик называет несколько основных признаков святости: ведутся служения панихид, как следствие чуда исцеления, открытие мощей для прославления, главное – святым можно стать только после кончины. Горкин говорит лишь о святости, приходящей после смерти, наиболее важно, согласно житийной литературе, вести праведный образ жизни на земле. Как правило, по житийному канону святые отцы церкви во время своей мирской жизни становились участниками удивительных волшебных событий: встреч со святыми, чудеснейших излечений от страшных недугов, спасения от приближающейся гибели.

Горкин не считает себя святым, называет себя великим грешником и рассказывает историю парня Гриши, который, как он считает, по его вине гибнет на стройке. Гриша был подмастерьем Горкина, он очень боялся высоты, и под напором плотника он пошел по балке, не удержался и упал. Через некоторое время он умер. Этой трагической гибели Горкин не мог себе простить долгие годы. Только приезд в обитель к Старцу Варнаве вернул ему спокойствие.

Грехом Горкин считает и равнодушие в отношении к чужой беде. Больной парень Михаил, покрытый мухами, источающий ужасный запах, лежащий на низкой тележке, производит страшное впечатление на Ваню. Но Горкин поучает воспитанника: «От горя не отворачивайся... Грех, это!» [Там же, с. 85].

У Горкина своя философия греха, он считает, что «грех не в уста, а из уст!» [Там же, с. 119]. По его мнению, самый большой грех – это осудить человека, не разобравшись. Пример Христа, пировавшего с грешниками, убеждает в правоте его речей попутчиков-богомольцев.

Несмотря на то, что Горкин характеризуется как праведник в быту, согласно концепции святости героя в житийной литературе, можно утверждать, что элементы святости присутствуют также и в образе старика Горкина.

Уже на первых страницах перед читателем предстает история чудесного спасения Горкина. Покровительство царицы небесной спасло ему жизнь. Во время слома дома на Пресне, Горкин нашел старую иконку Богородицы, и в это время рухнули строительные леса, и он упал со второго яруса прямо на балки. Ни царапинки, ни синячка не осталось на теле плотника после падения. «Как держал, так и... чисто на крыльях опустило» [Там же, с. 50]. Чудесное исцеление вздувшейся вены на ноге Горкин также приписывает чудодейственному маслу с мощей целителя Пантелеймона.

Пронзительный детский взгляд изучающе проникает в глубину характера героя. Рассказчик пытается осмыслить образ Горкина, понять его, дать оценку его поступкам. Все размышления мальчика сходятся в осознании богатого духовного мира своего наставника, его неиссякаемой доброты и милосердия. Не случайно в своих наблюдениях Ваня замечает: «Маленькое лицо, сухое, как у угодничков, с реденькой и седой бородкой светится как иконка. “Кто он будет?” – думаю о нем: “свято-мученик или преподобный, когда помрет?” Мне кажется, что он непременно будет преподобный, как Сергей Преподобный: очень они похожи» [9, с. 81].

Таким образом, И. С. Шмелев в образе Горкина создает особый, «житийно-идиллический» тип праведника. На первый взгляд, – это обычный плотник, отлично знающий свое дело. Он живет в миру, с людьми, переживает житейские трудности и неприятности, которые выпадают на долю простого человека. Однако в своей жизни он следует христовым заповедям, что проявляется не только в его поведении и отношении к ближним, но и особенно ярко в отношении к своему воспитаннику, Ване. Горкин как духовный наставник не только прививает мальчику любовь к Богу, но и объясняет мир через слово Божье. Это слово дает ребенку возможность увидеть мир в иных красках. Оно помогает ему справиться с бедой, болью, обидой, приобщиться к православной культуре. Знание евангельских текстов, народных приданий и притч раскрывает Горкина как христианина, для которого истинная вера мыслится как последовательно этическая житейская ориентация. Он ведет нравственную/праведную жизнь на земле, чтобы стать святым после смерти, хотя черты святости, безусловно, проявляются во многих его поступках и делах. И. С. Шмелев ввел своего героя в обыденную жизнь, не ограниченную рамками церковно-канонизированной святости. Через образ Горкина писателю было важным подчеркнуть красоту народной души, православное мировоззрение русского народа, его подлинно христианский взгляд на мир и человека.

Список литературы

1. Горелов А. А. «Праведники» как категория народной этической оценки и «праведнический» цикл произведений // Горелов А. А. Н. С. Лесков и народная культура. Л.: Наука, 1988. С. 223-264.
2. Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин – Ремезов – Шмелев // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Русская книга, 1996. Т. 6. Кн. 1. С. 383-384.
3. Любомудров А. М. Иван Шмелев между светской и церковной традициями // Христианство и русская литература: сб. статей. СПб.: Наука, 2006. С. 391-429.
4. Мочульский К. В. Кризис воображения. Статьи. Эссе. Портреты. Томск: Томск. кн. изд-во, 1999. 386 с.
5. Смирнова С. А. Святость как феномен русской культуры (семантическое и лингвокультурологическое описание): автореф. дисс. ... к. филол. н. Архангельск, 2005. 22 с.
6. Солнцева Н. М. Иван Шмелев. Жизнь и творчество. Жизнеописание. М.: Эллис Лак, 2007. 512 с.
7. Хализев В. Е. «Герои времени» и праведничество в освещении русских писателей XIX века // Русская литература XIX века и христианство: сб. ст. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 111-119.
8. Шмелев И. С. Крестный подвиг. Очерки. Статьи. Автобиографические заметы. 1922-1949. Воспоминания о И. С. Шмелеве. М.: Собрание, 2007. 623 с.
9. Шмелев И. С. Лето Господне. Повести. Рассказы. М.: Эксмо, 2010. 832 с.
10. Шмелев И. С. Собрание сочинений: в 2-х т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. 462 с.
11. Шмелев И. С. Собрание сочинений: в 2-х т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 2. 606 с.

SPECIFICITY OF THE IMAGE OF A CHARACTER-SAINT IN I. S. SHMELYOV' THE CREATIVE WORK (BY THE MATERIAL OF DUOLOGY “THE SUMMER OF THE LORD” AND “PILGRIMAGE”)

Sotkov Viktor Aleksandrovich
Ogarev Mordovia State University
sotkov_va@mail.ru

The article examines the specificity of character -saint in the creative work by I. S. Shmelyov. One of the characters of the duology “The Summer of the Lord” and “Pilgrimage” Gorkin is in the centre of the research interest. While analyzing it is proved that Gorkin's image is referred to the hagiography and idyllic type of a saint. The author of the article focuses attention on the special role of the character, on the one hand, implementing a moral ideal of the writer, and on the other hand, - symbolizing Orthodox world outlook of the Russian people.

Key words and phrases: duology; character-saint; Christian tradition; Orthodox world outlook; sainthood; figurative system; autobiographical character.